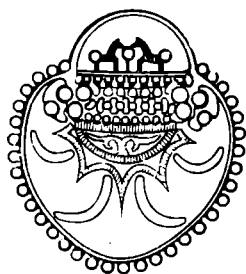

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1971

Зиметки

Л. И. ХЛОПИНА

Новый тип посуды эпохи бронзы (Южная Туркмения)

В 1967 г. при продолжении раскопок на «Вышке» Намазга-Тепе среди многочисленной и разнообразной керамики был найден сосуд оригинальной формы (рис. 1, 3). Он обнаружен на дворовом участке, близ очага. Сосуд имеет слегка отогнутый наружу венчик и очень широкие бока, резко суживающиеся ко дну. В придонной части — ярко выраженная выкружка. В центре небольшого донца еще до обжига было сделано отверстие и прорезан неглубокий желобок от отверстия к краю дна; ширина желобка 1 см. Диаметр венчика 45,5 см, диаметр дна 9 см, диаметр донного отверстия 3 см, высота 24,5 см. Объем сосуда 15—16 литров. Глина тонко

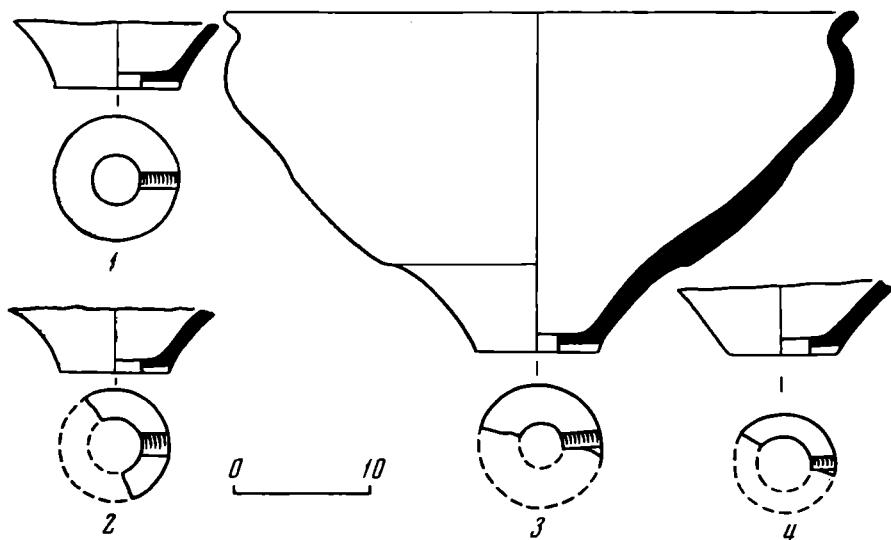

Рис. 1. Миски для отцеживания
1, 3, 4 — «Вышка» Намазга-Тепе; 2 — Елькен-Тепе, II слой

отмучена и имеет примесь органических остатков. Цвет снаружи розовый, в изломе — кирпичного оттенка, обжиг ровный. Сосуд сделан на гончарном круге и по своей форме напоминает большую миску, но выкружка в придонной части отличает его от мисок этого времени. Назначение сосуда определяется отверстием в дне: он использовался для медленного отцеживания (скорее всего при переработке молочных продуктов). Большой диаметр венчика и очень узкое дно делают его крайне неустойчивым. Однако выкружка в придонной части свидетельствует о том, что такие сосуда ставились в специальные керамические подставки (рис. 2). Неглубокий желобок и подчеркнуто плоское дно позволяют предполо-

жить, что подставка была невысокой, так чтобы дно сосуда стояло на плоскости. Только в этом положении можно было полностью использовать желобок, через который должен был происходить медленный отток жидкости.

Был найден фрагмент донца еще одного подобного сосуда (диаметр дна 8 см, диаметр донного отверстия 3,6 см, ширина желобка 0,7 см). Наружный цвет и цвет черепка в изломе совпадают (рис. 1, 4).

Фрагменты мисок встречались в Южной Туркмении и раньше. В 1952 г. Б. А. Куфтин на «Вышке» Намазга-Тепе нашел донце подобного сосуда (рис. 1, 1); это была первая находка, она осталась непонятной и не привлекла внимание исследователей.

В 1953—1956 гг. А. А. Марущенко проводил раскопки поселения Елькен-Тепе у Каушута, где им во втором культурном слое (ЕД-II) были найдены своеобразные сосуды со срезанной шейкой¹. Количество их автор не отмечает. Он опубликовал только один фрагмент дна с отверстием (рис. 1, 2).

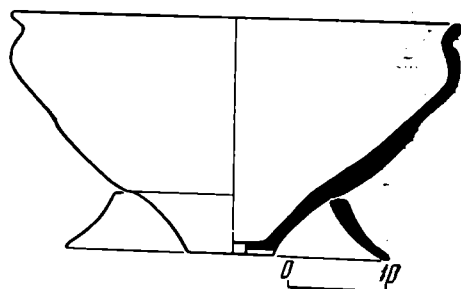

Рис. 2. Миска для отцеживания на керамической подставке (реконструкция автора)

Итак, в настоящее время на территории Южной Туркмении известно четыре экземпляра мисок для отцеживания. Выше уже отмечалось, что их неустойчивая форма требовала обязательного применения керамических подставок. Однако эти подставки могли употребляться и для других сосудов, имевших выкружку в придонной части. Значит, наличие в керамическом материале подставок или сосудов с выкружкой позволяет сделать предположение, что у оставившего их населения могли быть в быту и миски для отцеживания, тем более, что обломки венчиков таких сосудов не отличаются от венчиков обычных мисок ничем, кроме увеличенного диаметра. Нам известно, что в нижних слоях «Вышки» Намазга-Тепе есть сосуды с выкружкой в придонной части², а в слоях времени Намазга V на том же поселении имеются керамические подставки двух типов³. Это позволяет предположить, что миски для отцеживания употреблялись не только в верхнем строительном горизонте «Вышки», но и ранее, во всяком случае с периода Намазга V. Наличие же и подставок, и сосудов с выкружкой в придонной части на другом крупном поселении эпохи бронзы — Алтын-Тепе у Меана⁴ позволяет предположительно расширить ареал подобных сосудов в период Намазга V.

Поскольку миски для отцеживания были найдены в культурных слоях времени Намазга VI и Елькен-Тепе II (культура Яз I по периодизации В. М. Массона), то их употребление в памятниках времени поздней бронзы Южной Туркмении бесспорно. Наличие керамических подставок и сосудов с выкружкой в придонной части на памятниках поздней бронзы в древней Маргиане (Тахирбай III, Яз-Тепе I)⁵ позволяет еще больше расширить территорию вероятного применения этих сосудов.

Таким образом, миска для отцеживания является новым типом керамики в Южной Туркмении. Время ее применения на названной территории — эпоха развитой и поздней бронзы (Намазга V — Яз I). Наличие таких сосудов позволит детальнее охарактеризовать хозяйственную деятельность древнего населения северной подгорной равнины Копетдага.

¹ А. А. Марущенко. Елькен-Тепе. Тр. ИИАЭ, V. Ашхабад, 1959, стр. 64.

² Л. И. Хлопина. Кухонная керамика времени Намазга VI. КСИА, 132, 1971.

³ Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, 4, стр. 40.

⁴ В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии, СА, 1967, 3, стр. 184.

⁵ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. VIII, XXVIII.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

147

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

Л. И. ХЛОПИНА, И. Н. ХЛОПИН

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА СУМБАР I В 1972—1973 ГГ.

Осенью 1972 г. на левом, коренном берегу р. Сумбар, в 3 км к югу от пос. Кара-Кала (Южный Туркменистан) был обнаружен могильник эпохи бронзы, названный Сумбар I. Он расположен на гребнях нескольких увалов, сложенных лёссовидным суглинком. Основное ядро могильника составляют увалы Главный, Северный и Дальний; Главный увал имеет высоту от уреза воды в Сумбаре более 80 м, остальные — несколько ниже.

Раскопки 1972 г. носили разведочный характер: за 10 дней было вскрыто 18 погребений на Главном и Северном увалах. Большинство погребений было в разной степени нарушено, и только четыре могилы содержали неповрежденные погребения¹. В каждой могиле находились сосуды и бронзовые украшения.

В 1973 г. раскопки могильника проводились сплошной площадью на Главном и Северном увалах с оставлением поперечных бровок для выяснения конструкции могильных сооружений. Общая вскрытая площадь 700—800 кв. м. За второй полевой сезон раскопано 49 погребений², причем 8 были неповрежденными, а остальные в различной степени ограблены. Как удалось установить, грабителей интересовал металл. Встречены могилы (32), где скелет и сосуды не потревожены, но отсутствуют металлические предметы, которые есть во всех нетронутых могилах. В данном случае трудно, однако, определить, является ли могила 32 ограбленной или нетронутой. Есть могилы (57), в которых нарушена лишь верхняя часть скелета, включая плечевой и грудной пояс; сосуды, металлические украшения и вещи остались в могиле. Имеются могилы (47), в которых кости скелета и разбитые сосуды сложены аккуратной кучкой у стенки. Наконец, встречена могила (30), в которой стоит нетронутая группа сосудов, а следов покойника нет. Все это может свидетельствовать о том, что ограбление могил производилось разнообразными методами. Есть даже случай, когда найдены выброшенные из могилы черепки: они подошли к черепкам, найденным на дне могилы (51). Из 61 могилы эпохи бронзы всего 12 оказались нетронутыми. Это составляет 20%, т. е. процент сохранности могильника весьма велик.

Конструкцию могильных сооружений удастся проследить не во всех случаях. Трудность создается естественным разрушением могил, а также тем, что в лёссе не всегда можно различить могильное пятно по цвету земли и по плотности заполнения могильной ямы. Однако можно утверждать, что могилы здесь были катакомбами. Наиболее ярким доказательством служит могила 30. При ее раскопках была сохранена бровка, на которой хорошо видно, как слои лёссовидного материкового суглинка нарушены сводом катакомбы.

Если могила была расположена на склоне увала, то в нее вел узкий (до 0,5 м) коридор-дромос, вырытый горизонтально от края склона в глубину увала, где находилась овальная камера (могила 47). Обычно дромос слегка суживался у входа в камеру, и уровень его дна на 0,2—

0,4 м выше уровня дна ямы. Длинная ось овальной могильной камеры перпендикулярна длинной оси дромоса. Дромосы удалось обнаружить лишь в нескольких случаях, поскольку они выходили уже в дерновый слой и стали видны только благодаря их расчистке изнутри камеры.

После совершения захоронения вход в камеру закладывали сырцовыми кирпичами крупных размеров, затем сам дромос заполняли большими камнями, специально принесенными снизу. Грабили могилы еще до обрушения их сводов. Часть камней и кирпичный заклад проталкивали внутрь камеры; камни раскатывались, иногда разбивая сосуды, поставленные близко к входному отверстию.

Если захоронение производилось сверху, т. е. с гребня увала (или близко к нему), то вначале рыли колодез (глубиной до 1,5 м), а затем сбоку от него — камеру. Соотношение уровней дна колодеза и дна могильной ямы проследить не удалось. После захоронения вход в камеру тоже иногда закладывали сырцовыми кирпичами, а колодез обязательно заваливали большими камнями. Именно эти камни, поскольку они расположены значительно выше уровня дна могилы, при раскопках широкой площадью являлись поисковыми признаками могил. При ограблении такой могилы камни иногда не проталкивали в камеру, а выбрасывали наружу.

Кроме катакомб перечисленных двух видов, имеются могилы, конструкцию которых установить трудно. Так, северная стенка почти полностью разрушившейся могилы 31 была сложена из сырцовых кирпичей зеленоватого цвета (60×35×8 см) с толстыми слоями саманной промазки между ними. Роль этой стенки в конструкции могилы пока установить трудно.

Ориентировка погребенных различна, но совершенно не зависит от стран света. Она зависит от положения камеры катакомбы относительно длинной оси увала. Если могила расположена на склоне (южном или северном), то покойника укладывали лицом к входу и спиной соответственно к задней стенке камеры. Если могила расположена по гребню увала, то погребенного также укладывали лицом к входному отверстию. Покойника клали на левый или правый бок, реже на спину, с подогнутыми ногами. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. Иногда встречаются отклонения. Так, в могиле 20 была похоронена женщина 30—40 лет, положенная на живот головой на север—северо-восток (но параллельно гребню увала) лицом в землю; ноги согнуты в коленях и вывернуты пятками вверх, руки согнуты в локтях и пальцы сжаты в кулаки³. Погребение такого рода единственное.

Приводим описание одной из сохранившихся, неограбленных могил.

Могила 49. Расположена на северном склоне Главного увала. Никаких внешних признаков не обнаружено, но по плотности заполнение могильной ямы отличается от материкового лёсса. Могильная яма овальная (1,85×1,3 м) и хорошо прослеживается в нижней части. Скелет женщины 18—20 лет лежит на правом боку головой на север. Руки согнуты в локтях, кисти рук находятся перед лицом. Ноги в скорченном положении (рис. 1, 1).

В головах погребенной находилось три сосуда: серая чаша с вертикальной ручкой у дна (рис. 2, 6), маленький горшочек с петельчатой ручкой (рис. 2, 3) и такой же по форме закопченный котелок больших размеров (рис. 2, 5). В ногах было еще три сосуда: опрокинутая на бок и разбитая в древности хумча (рис. 2, 2), осколки которой разлетелись по всей могиле вплоть до черепа, одноручный кувшин из кухонного теста (рис. 2, 1) и маленький кувшинчик (рис. 2, 4). У затылка лежала бронзовая пластинчатая диадема, в свое время украшавшая голову погребенной, покрытая рядом пунсонных выпуклостей. Длина диадемы 25 см, ширина 1,2 см, на ее закругленных концах сделано по сквозному отверстию (рис. 3, 5). На черепе у слуховых отверстий найдены серьги из

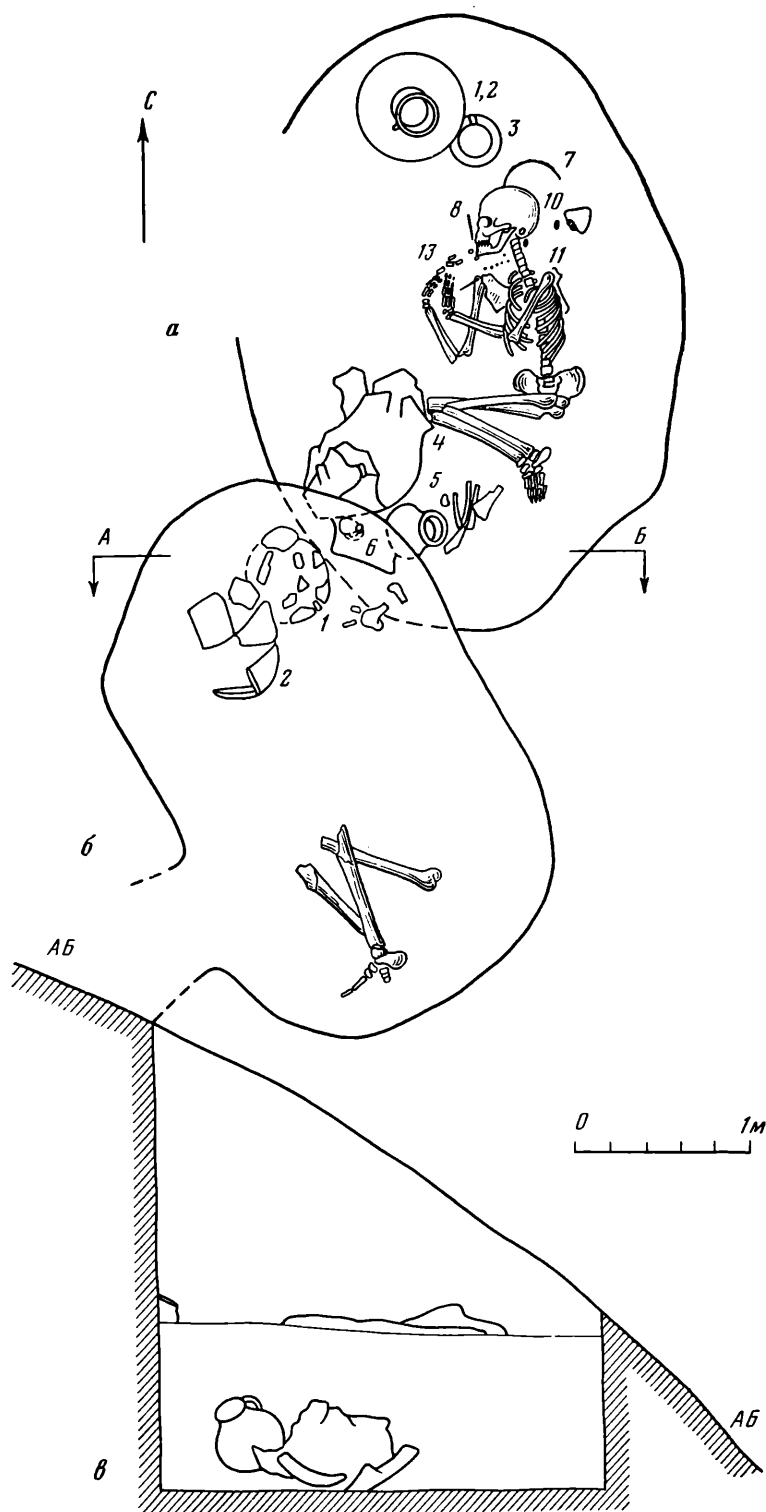

Рис. 1. Могильник Сумбар I
 а — могила 49; б — могила 50; в — разрез могила 49 и 50 по линии А — Б

двух концентрических колец (рис. 3, 1, 2), а на висках — по три спиральных бронзовых кольца из двойной проволоки в два оборота: это — украшения для волос (рис. 3, 8—12). Перед лицом лежали бронзовые булавка длиной 8 см и иголка с ушком (рис. 3, 6, 7), кучка из пяти бараньих альчиков и большая биконическая бусина из мраморовидного камня. Под подбородком находились бусы: семь маленьких лазуритовых, одна сердоликовая, одна бирюзовая, сильно сношенная (рис. 3, 4), и одно бронзовое колечко (рис. 3, 3). В ногах найдены остатки мясной пищи: девять ребер, лопатка и передняя нога с копытцем, принадлежавшие молодому барашку.

Интерес к погребению 49 может быть еще больше, если учесть, что оно частично нарушено могилой 50, которая в культурном отношении относится к тому же времени. Это сочетание дает возможность наметить микрохронологию могильника и определить ориентировочный диапазон времени его существования. Могила 50 сохранилась значительно хуже, так как залегает в дерновом слое и уровень ее дна выше уровня дна могилы 49 на 0,5 м; яма не прослеживается, кости ног и обломок тазовой кости говорят о скорченной позе взрослого погребенного, уложенного на правый бок. В головной части могилы найдены обломки двух сосудов — чаши с вертикальной ручкой у дна и чаши с профилированным венчиком (рис. 4), две бронзовые полулунные пластинки и обломок фаянсового цилиндра с нарезным орнаментом.

Совместное рассмотрение этих могил показывает, что последнее погребение было совершено через значительный промежуток времени после первого, когда полностью исчезли наземные следы могилы 49. Обряд тот же, но при рытье могилы был нарушен свод камеры погребения 49. Он частично упал на хумчу, которую повалил набок и разбил в еще не обрушенной камере. Возможно, выкиды земли из могилы 50 покрыли собой полностью какие-то следы могилы 49 и тем самым спасли ее от разграбления. Интересно, что найденная в погребении чаша с профилированным венчиком имеет лишь одно соответствие среди керамического материала могильника: в могиле 40, расположенной по гребню Главного увала на глубине 50 см, найдена чаша с отогнутым венчиком и ручкой. Не исключено, что и это погребение надо рассматривать как более позднее. В то же время стандартная чаша с вертикальной ручкой у дна полностью подтверждает однокультурность погребений 49 и 50.

Несмотря на нарушение или ограбленность большинства (80%) могил, погребальный инвентарь в целом богат и разнообразен. Найдено сравнительно много бронзовых изделий двух категорий: оружие (наконечники копий и стрел) и украшения (диадема, браслет, серьги, спирали для волос, булавки, пронизки и бусы). Из камня изготовлена грушевидная булава, крупные биконические бусы, которые вполне могли употребляться как пряслица. Встречены бусы из сердолика, лазурита, агата и бирюзы. Бусы изготавливались также из стекловидной пасты золотисто-желтого цвета с темными и светлыми прожилками. Следует отметить небольшие цилиндрические обоймочки из фаянса, покрытые различным нарезным орнаментом.

Коллекция керамики насчитывает более 210 единиц. Большинство (около 75%) сосудов изготовлено ручной лепкой, почти все из грубого кухонного теста с добавлением толченого кварца и песка. Предварительный анализ керамического комплекса позволяет предположить, что древнее население могло изготавливать специальную погребальную керамику, но бытовых привычных форм, и одним из свидетельств этого являются слабообожженные или совсем необожженные сосуды. Кроме того, в могилы ставили и сосуды, применение которых в быту не вызывает сомнения. Предварительно всю керамику по цвету и излому черепка можно разделить на пять групп, причем в каждой есть сосуды как лепные, так и сделанные на круге.

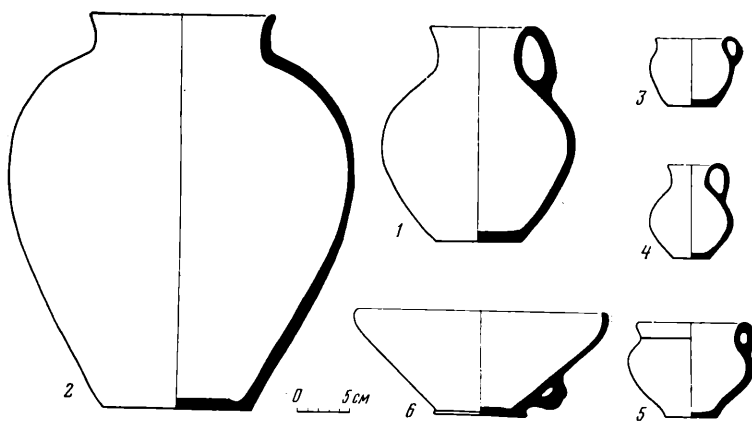

Рис. 2. Керамика из могилы 49 (1—6)

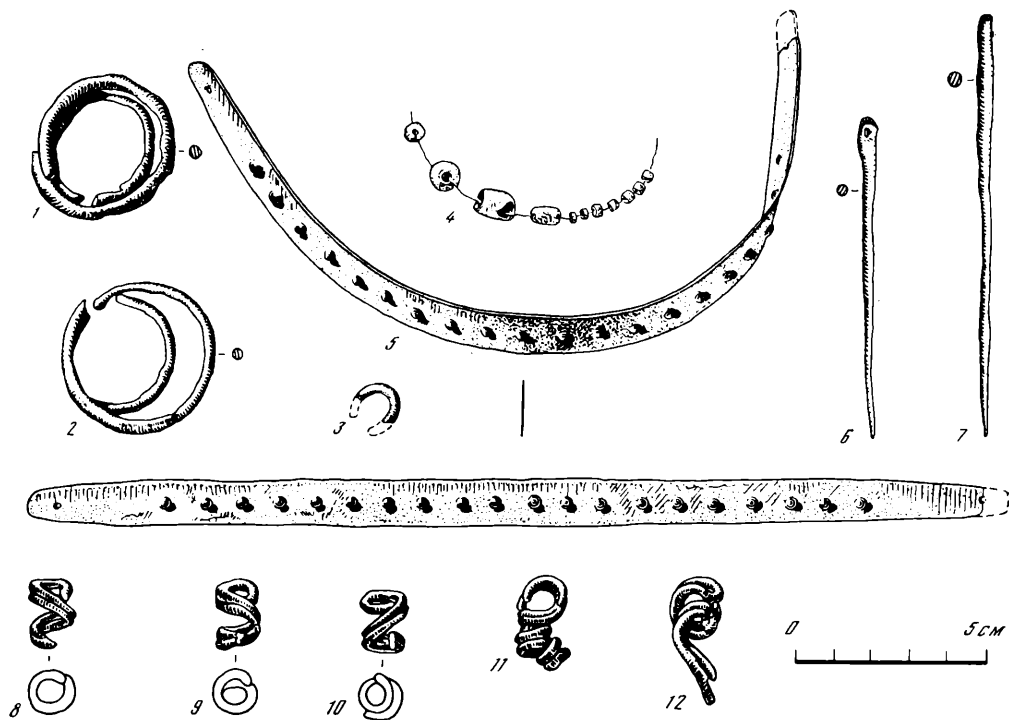

Рис. 3. Украшения из могилы 49

1, 2 — серьги; 3 — колечко; 4 — бусы; 5 — диадема; 6, 7 — булавки; 8—12 — спиралевидные украшения для волос

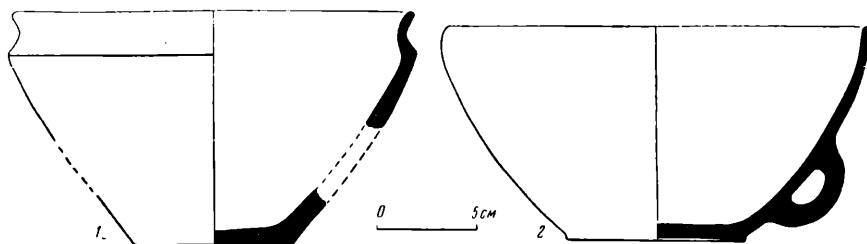

Рис. 4. Керамика из могилы 50 (1, 2)

1. Керамика серого цвета и «звонкого» обжига, цвет поверхности варьирует от стального до черного.

2. Керамика с поверхностью розовато-желтых тонов, черепок в изломе серый.

3. Керамика с поверхностью коричневого цвета, черепок в изломе коричневатый, тесто хорошо отмучено. Эта посуда плохой сохранности, так как обожжена слабо или вовсе не обожжена; не исключено, что после хорошего обжига посуда этой группы приобрела бы серый цвет и вошла в первую группу.

4. Единичные сосуды красного цвета.

5. Особое место занимает группа привозной посуды, пока весьма малочисленной. Поверхность сосудов зеленовато-белого цвета, черепок в изломе бледно-розовый или светло-зеленый. Такая посуда типична для поселений эпохи бронзы подгорной равнины Копет-Дага и в дальнейшем может послужить надежной опорой для синхронизации памятников двух культурных областей, не имевших до сего времени никаких точек соприкосновения.

В могилы помещен определенный набор посуды — от трех до семи сосудов, причем можно определить минимальный стандартный комплекс, который в отдельных случаях имеет существенные отличия. К стандартному набору относится крупный сосуд для воды — хумча, сосуд для питья — горшочек с открытым носиком, горшочек с ручкой или серый сосуд со сливом и чаша с вертикальной ручкой у дна. Именно этот комплекс был найден в детском погребении 37, причем все названные сосуды были в миниатюрном, детском, варианте. Кроме упомянутых форм, в могилах встречены кувшины, чайники, вазы, горшочки, котелки, графины и несколько сосудов с не встречавшимися до сих пор конструктивными особенностями.

В некоторых могилах сложены кучки бараньих альчиков (по три или пять штук), имевшие какое-то символическое значение, поскольку рядом с ними находилась большая биконическая бусина. Кроме того, в могилах часты находки костей от различных частей туши барана. Они лежат всегда в анатомическом порядке. Местоположение этих костей в могилах также различно: в головах, в ногах, на кистях рук перед лицом, за спиной. Не исключено, что в будущем эти находки позволят судить о социальной структуре древнего населения долины Сумбара, так как у более поздних народов Средней Азии отмечается определенная связь частей туши барана с социальным положением погребенного.

Кому же принадлежало это кладбище? Пока можно с уверенностью говорить о том, что могильник оставили местные оседлые земледельцы, в хозяйстве которых не последнее место занимало скотоводство, в частности разведение мелкого рогатого скота. Употребление для закупорки могильных камер сырцовых кирпичей большого формата, характерных для земледельческих поселений астрабадского бронзового века⁴, отрицает принадлежность катакомбы как погребального памятника населению со скотоводческой экономикой. В долине Сумбара в окрестностях пос. Кара-Кала имеется несколько поселений эпохи бронзы. Помимо изучавшегося Пархай-депе⁵ и нескольких других⁶, сейчас открыто поселение Сумбар в непосредственной близости от могильника. Заложенный на нем шурф вскрыл часть помещения, стены которого сложены из крупных кирпичей зеленоватого цвета, точно таких же, какими закладывались входы в катакомбы. Керамика из шурфа представлена формами, типичными для поселений эпохи бронзы Мешед-Мисрианской равнины.

Вопрос о хронологических рамках могильника, как впрочем и многие другие, пока не рассматривается в должном объеме, поскольку он требует специального исследования, в котором должны быть связаны в одну систему памятники Северного Ирана, Юго-Восточного Закаспия и северной подгорной равнины Копет-Дага. В настоящее время хронологические ко-

лонки названных областей не всегда сопоставимы. Можно лишь сказать, что традиционная датировка памятников такого типа в диапазоне XIV—XI вв. до н. э. не вызывает протеста.

¹ Хлопин И. Н. Древности долины Сумбара. — Сб.: Памятники Туркменистана, 1. Ашхабад, 1973; он же. Раскопки в долине Сумбара. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с. 232—234.

² Четыре могилы (39, 43, 61, 62) относятся к середине I тысячелетия до н. э., нарушают погребения эпохи бронзы и содержат инвентарь скифского типа.

³ Все антропологические определения принадлежат Т. П. Кияткиной.

⁴ Размеры кирпичей: Тюренг-тепе — $68 \times 38 \times 15$ см; Мадау — $64 \times 45 \times 8$ см; Пархай-депе — $70 \times 38 \times 9$ см. На памятниках эпохи бронзы подгорной равнины Копет-Дага кирпичи имеют строгие и традиционные пропорции 4 : 2 : 1.

⁵ Хлопин И. Н. Поселение эпохи бронзы Пархай-депе. — КСИИ, 142, 1975.

⁶ Хлопин И. Н. Разведка памятников эпохи бронзы в долине Сумбара. — АО 1968 г. М., 1969, с. 431.